

ЛАГЕРНЫЙ ФОЛЬКЛОР ПЕРИОДА ФИНСКОЙ ОККУПАЦИИ КАРЕЛИИ (1941–1944)

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА МАРКОВСКАЯ

(Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН:
185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11)

***Аннотация.** В статье анализируются фольклорные материалы периода Великой Отечественной войны, а точнее, период с 1941 по 1944 г., когда значительная часть территории Карело-Финской ССР, включая столицу — Петрозаводск, была оккупирована финскими войсками. В оккупированных районах оставалось около 86 тыс. человек. На территории республики было организовано 10 концентрационных лагерей, большая часть из которых находилась в Петрозаводске. В 6 лагерях только на территории Петрозаводска содержалось свыше 20 тыс. человек. В них, вследствие тяжелых условий жизни (непосильных работ, голода, болезни), а также расстрелов, по разным данным, погибло от 4 тыс. до 7 тыс. человек.*

Автором подробно рассматривается архивная коллекция лагерного фольклора: «Лагерные песни, записанные от лиц, бывших в оккупации у финнов и заключенных в концлагере в период 1941—1944 гг.», датированная 1944 г. и хранящаяся в Научном архиве КарНЦ РАН. Она включает 442 единицы хранения. В качестве единицы хранения выступает каждое отдельное произведение, будь то самостоятельная песня в 15 куплетов или частушка в четыре строки. Именно по этим материалам можно составить представление о том, чем жили эти люди, что делали, о чем мечтали и каковы были взаимоотношения между теми, кто жил за колючей проволокой, и теми, кто их сторожил.

В анализируемой коллекции, кроме значительного количества лагерных песен и частушек, представлено множество романсов, песен из кинофильмов, любовных и тюремных песен, почти все популярные песни о Степане Разине, о стране, о Красной армии. Никакие гонения не могли отбить у людей любовь к творчеству. И пусть далеко не все тексты обладают высокими художественными достоинствами, но в них слышны голоса и чувства людей, которые сохраняют человеческие ценности в нечеловеческих условиях жизни.

Ключевые слова: фольклор, финская оккупация, Карелия, Великая Отечественная война.

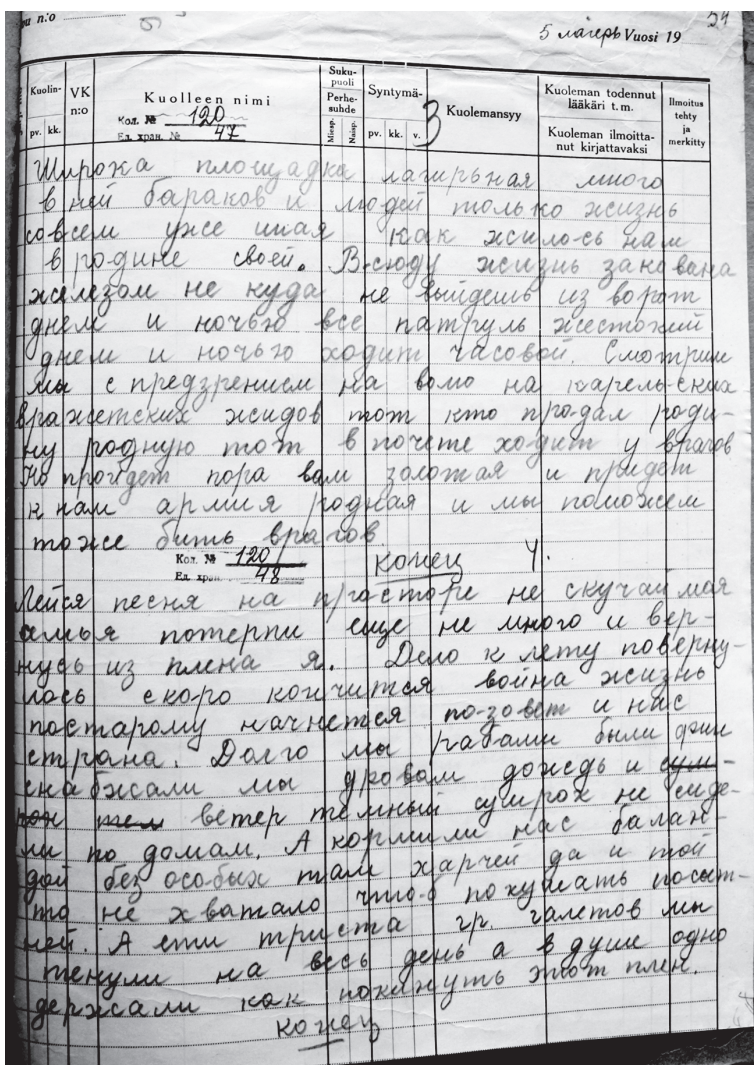
Во время Великой Отечественной войны, в период с 1941 по 1944 гг., значительная часть территории Карело-Финской ССР, включая столицу — Петрозаводск, была оккупирована финскими войсками. Большинству населения удалось эвакуироваться в глубь страны. Тем не менее в оккупированных районах осталось около 86 тыс. человек [Laine 1982, 487]. Это были люди разных национальностей. Финским военным правительством было принято решение о разделении оккупиро-

ванного населения по этническому принципу на две части. К привилегированным «родственным финнам» относились представители финно-угорских национальностей, а к «неродственному» — все остальные [Там же, 106]. В работе историка Н. С. Барышникова опубликован фрагмент секретного приказа главнокомандующего финляндскими войсками Маннергейма от 8 июля 1941 г., в котором он призывает: «...с населением Восточной Карелии обращаться дружелюбно, но

осторожно. Русское население задерживать и отправлять в концлагеря. Русскоговорящие лица финского и карельского происхождения, решающие присоединиться к карельскому населению, к русским не причисляются» [Барышников 2007, 138]. Впоследствии предполагалось вывезти русское население за пределы Карелии, в другие районы Советского Союза, которые должна была завоевать Германия. Финно-угорское население рассматривалось в качестве будущих равноправных граждан Великой Финляндии.

На территории Карело-Финской ССР всего было организовано 10 концентрационных лагерей, большая часть из которых

находилась в Петрозаводске [Осипов 2007, 24]. В монографии В.Г.Макурова, освещающей основные события и факты Петрозаводска периода Великой Отечественной войны, приводятся данные финских исследователей о шести лагерях только на территории г. Петрозаводска, в которых содержалось свыше 20 тыс. человек. В них вследствие тяжелых условий жизни (непосильных работ, голода, болезней), а также расстрелов, по разным данным, погибло от 4 тыс. до 7 тыс. человек [Макуров 2005, 29]. Опубликовано достаточно много работ русских и финских историков, сборников материалов об этом тяжелом времени. Проводились

Тексты песен на страницах финского журнала учета умерших заключенных концлагеря
Song lyrics on the pages of the Finnish register journal of the fatalities among prisoners of the concentration camp

и значительные исследования по изучению периода оккупации с позиций устной истории, в результате были изданы воспоминания очевидцев с русской и финской стороны ([Плененное детство 2005; Макуров 2013, 2014] и др.). Сложнее дело обстоит с изучением фольклорного наследия того времени. В 1945 г. в Петрозаводске была опубликована книга Василия Базанова «За колючей проволокой. Из дневника собирателя народной словесности», где известный литературовед и фольклорист [Карелия: энциклопедия 2007, 142] рассказывал о положении людей после отступления финских захватчиков. В книгу автор включил «наиболее характерные плачи о фашистской неволе» [Базанов 1945, 6]. Спустя почти 20 лет в ставшем впоследствии хрестоматийным издании [Русская народно-бытовая лирика 1962] отдельным циклом были выделены записи из Заонежья экспедиции 1944 г. Об этих записях в одном из очерков сам Базанов писал так: «Заонежские причитания сложены теми, кто в течение трех лет жил на оккупированной врагом территории, вынес заключение и истязания в фашистских лагерях, потерял своих близких, был выселен из родной деревни <...>».

В сентябре 1944 г. воспоминания о жизни в оккупации были настолько свежи и памятны, что плачи, сложившиеся за колючей проволокой и у разрушенной «хоромины», отнюдь не являлись достоянием избранных вопленниц. В абсолютном большинстве вопленницы <...> были самыми обыкновенными заонежскими женщинами, пожилыми и средних лет, не имевшими опыта в профессиональном приголаживании» [Базанов 1981, 240, 241]. В. Г. Базановым была высказана правильная, на наш взгляд, мысль о том, что «плачи или причитания являются по преимуществу достоянием престарелых женщин. Молодому поколению более близка песенная культура» [Базанов 1945, 62].

В Научном архиве КарНЦ РАН содержится коллекция № 120 «Лагерные песни, записанные от лиц, бывших в оккупации у финнов и заключенных в концлагеря в период 1941–1944 гг.», датированная 1944 г. В качестве собирателей указаны сотрудники КНИИК: Аносова, Симакова, Коронен. В справочных документах Научного архива эти фамилии нам больше не встретились, и мы предполагаем,

что это были студенты Карело-Финского государственного университета, принятые в качестве временных сотрудников института на период экспедиционных работ. Коллекция содержит 442 единицы хранения. В качестве единицы хранения выступает каждое отдельное произведение, будь то самодеятельная песня в 15 куплетов или частушка в четыре строки. Есть несколько неспортированных тетрадей, это в основном девичьи альбомы (можно предположить, что авторами являются девушки). Все указанные респонденты тоже девушки, возраст около 20 лет. Назвать точную причину этого гендерного подхода собирателей в настоящее время не представляется возможным. Однако во многом это объясняется большим количеством узников-женщин. Подтверждением может послужить статья А. В. Голубева, посвященная повседневной жизни женщин на оккупированных территориях Карелии, где приводятся статистические данные о том, что доля женщин превышала долю мужчин на 68%, причем среди трудоспособного населения это соотношение было еще больше в пользу женщин. К трудоспособному населению относились все жители от 15 до 60 лет [Голубев 2007, 9]. К тому же сама традиция записи песен на бумаге более свойственна женщинам, чем мужчинам.

Одним из наиболее естественных способов реакции на тяжесть жизни в концлагере явились самодеятельные песни на известные мотивы, стихи, частушки, наиболее удачные из которых записывались и переписывались заключенными. Девичьи альбомы включали песни, стихи и стишки «на память...». Именно по этим материалам можно составить представление о том, чем жили эти люди, что делали, о чем мечтали и каковы были взаимоотношения между теми, кто жил за колючей проволокой, и теми, кто их сторожил.

В отдельных тетрадях собраны песни, записанные в разных лагерях: в Кутижме, в лагере № 5 в Медвежьегорске, в лагерях № 3 и 6 в Петрозаводске (в части материалов номер лагеря не указан, а указан только г. Петрозаводск), в лагерях в Шуе, Матросах и Лижме.

Во многих созданных заключенными песнях оплакивается свобода, вольная жизнь. Ощущается тоска и растерянность

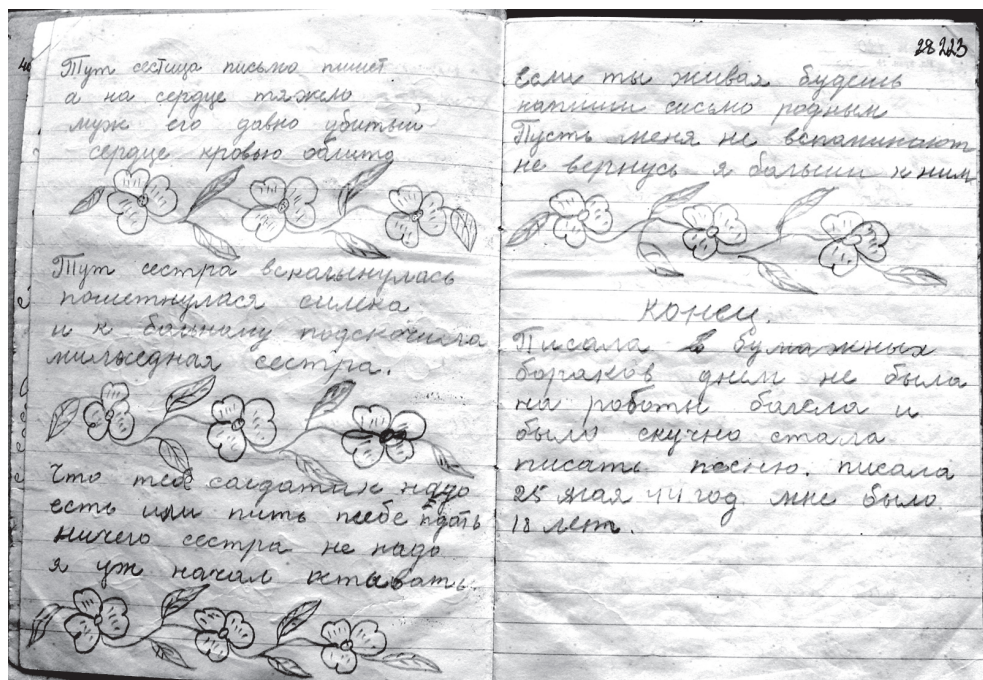
от такой несправедливости, ужас от окружающих нечеловеческих условий:

Нечаянно в лагерь попали
Мы — жители разных сторон.
Безвинно сидим за решеткой,
Не знаю, что только ждем <...>
Ах, злые хозяева финны,
Зачем привезли нас сюда?
Зачем за решетку закрыли
И выхода нет никуда...
[НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 120.
Ед. хр. 61].

<...> А дома-то наши колючкой обнесли,
И не разрешили водички принести.
А потом в дальнейшем разрешили нам
Приносить водичку только по часам.
Никуда не спустят родных нам навестить,
У ворот солдатик с винтовочкой стоит.
Ведь коров-то наших всех уж увезли,
Бабы со слезами за тюктицу* везли.
(*Тюктица — веревка, привязанная
за рога коровы.)
[НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 120.
Ед. хр. 70].

Много песен, строчек в песнях и стихах посвящено родным людям, особенно матери, которой можно доверить свои

переживания. Разлука этими молодыми девушками, которых увезли далеко, на тяжелые лесные и дорожные работы, ощущается остро. И в этом случае им на помощь приходит жанр стихотворного послания, который, по мнению отдельных исследователей, получил новое развитие в поэзии XX в. [Кихней 1985; Артёмова 2004]. В этом жанре писали именитые поэты-современники В. Маяковский, М. Исаковский и др. Возможно, их стихи были известны молодежи. И безусловно, этот жанр был распространен благодаря «девичьим альбомам». Фольклорист В. Ф. Лурье отмечал, что альбомная культура тоже испытала достаточно серьезные изменения в 1920–1930-х г. Исследователь справедливо связывает их с множеством факторов: сменой социального статуса и снижением образовательного уровня, ценностных ориентиров владельца альбома, кардинальным изменением культурного быта. Но главной причиной альбомных новаций В. Ф. Лурье признает то, что новый советский ученик часто был носителем крестьянской или «фабрично-заводской» фольклорной традиции, что обеспечивало фольклорный контакт города и деревни и определяло стилевое своеобразие, использование достаточно

Страницы песенника (автор не указан)

Pages of the songster (an author isn't mentioned)

причудливых выражений [Лурье]. Подтверждение тому мы находим в исследуемых текстах:

Далеко из дремучего леса
Шлю тебе я, мамаша, привет.
Как живешь ты, моя дорогая,
Напиши поскорее ответ.
Я живу средь карельских болот,
Средь карельских дремучих лесов,
Я живу со слезами и горем,
Строю множество новых дорог
[НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 120.
Ед. хр. 68].

Мы, папаша, расстались с тобою
В предзвездный предутренний час.
Вы утешали, что скоро вернемся,
Не скучайте, родные, без нас <...>
Ветер тихо с деревьями спорит,
А они будто шепчут в ответ:
Жаль, что годы проходят молодые,
Как будто уж тысячи лет
[НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 120.
Ед. хр. 73].

Здравствуй, мать, прими привет от дочки.
Пишет дочь тебе издалека.
Я живу, но жизнь моя разбита,
Одинока, мучительна, горька.
Жаль одно, что брата не увижу,
Ту сестру, которую люблю.
А тебе я, мама дорогая,
На прощанье крепко руку жму
[НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 120.
Ед. хр. 76].

В большинстве песен и стихов о жизни в лагере есть описание человеческой жестокости со стороны финнов:

И плачут в отчаянье люди
Под плетью лихих палачей,
За маленький каждый поступок
Берут их и в плетень, и в ремень
[НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 120.
Ед. хр. 61].

С особой горечью описываются, по-видимому, несчастые, но наиболее запомнившиеся случаи из жизни лагеря:

И если который бывало
В будку к финнам попадет,
Получит он двадцать пять розог,
Другой и домой не придет.

Бывали случаи такие:
От плети лихих палачей
Тот час с этой будки снимают,
Оттуда несут мертвецей
[Там же].

Однако даже самые жестокие зверства со стороны завоевателей не могут сломать тех, кто оказался в плену:

Хоть финская клетка толста,
Но нас научить не могла,
Лишь утром натянута колючка,
А к вечеру смотришь — дыра.
Мы всех патрулей перехитрим,
А все-таки в город уйдем!
И жизни своей не жалея,
А ужин себе принесем
[Там же].

Очень редко, но наиболее трогательно звучат строчки о тех финнах, которые были сострадательны и помогали заключенным:

Лес там огромный, высокий,
Посмотришь — так сердце болит <...>
Вот не проходит полчаса,
Вижу — финёнок идет.
Быстро ко мне он подходит
И в руки пилу он берет.
И начинает пилить он,
Сосны валяются вокруг <...>
[НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 120.
Ед. хр. 63].

Однако есть в каждом лагере «очкастый с батоном», который не одобряет эту помощь и грозит большими бедами, если не будешь работать:

«Если не будешь работать,
То в Аниелинно пойдешь,
Там за решетку посадят,
Наглядко лишишься волос». <...>
Быстро очкастый уходит,
Финн остается один,
Тихо ко мне он подходит
И говорит «накемин»
[Там же].

Много строк в песнях и стихах посвящено лицам, сотрудничавшим с финскими захватчиками. Причины такого сотрудничества самые разные. Подробно это явление рассмотрено в монографии

С. Г. Веригина, где автор приводит три основные составляющие коллаборационизма (фр. *collaboration* — сотрудничество) в Карелии в годы Второй мировой войны. К первой группе исследователь относит представителей наиболее непримиримой части белой эмиграции, бежавших в Финляндию в 1918–1922 гг. Ко второй группе — советских граждан, которые поверили финской пропаганде и сознательно пошли на сотрудничество с оккупационными властями, преследуя различные цели. К третьей группе — людей, которые волею судьбы оказались связаны с первой и второй группами. Они стали коллаборационистами, спасая свои жизни и жизни своих близких, либо под принуждением [Веригин 2012]. Безусловно, эта тема очень болезненна и сложна. И решить вопрос о том, был ли человек, так или иначе сотрудничавший с оккупационными властями или вступивший в брак и впоследствии эмигрировавший в Финляндию, изменником Родины, не представляется нам возможным. В текстах песен и частушек общему осуждению предавались люди, получившие власть при оккупантах и жестоко обращавшиеся с местным населением, а также девушки, флиртовавшие с финскими солдатами:

Смотрим мы с презреньем на того,
Кто шагает с гордой головой,
Тот, кто продал родину родную,
Тот в почете ходит у врагов
[НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 120.
Ед. хр. 69].

Молодые девушки финнам улыбаются,
Позабыли девушки о своих парнях,
Только одне матери плачут, уливаются,
Плачут, уливаются о своих сынах.
Молодые девушки рано позабылись,
Что за вас, за родину длится жаркий бой,
Что за вас, за девушек, в первых сражениях
Пролил кровь горячую парень молодой <...>
Вы по-фински локоны, все прически сделали,
Красками подкрасились, вертитесь пред ним,
Не помогут кудри вам, краски, эти локоны,
И пройдет с презрением парень молодой
[НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 120.
Ед. хр. 72].

Особого внимания заслуживают частушки, как один из немногих жанров, где

смелые мысли и остроумные выражения позволяют точно передать общее настроение, чувства патриотизма, презрения к захватчикам:

Финки судят все про нас,
Что худо одеваемся,
А мы за ваших калапаев
Замуж не даваемся.

Я на бочке сижу,
А под бочкой каша,
Вы не думайте, финята,
Что Россия ваша.

Я на бочке сижу,
А под боком мышка,
Скоро красные придут —
Белофиннам крышка
[НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 120.
Ед. хр. 66].

И как бы тяжело ни было в лагерях, заключенные мечтают об освобождении и верят в возвращение к прежней жизни:

В родные края мы вернемся <...>
И будет о чем говорить.
Родным и друзьям и знакомым
Есть много чего рассказать.
И будем мы честно трудиться
И новую жизнь начинать
[НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 120.
Ед. хр. 61].

Лейся, песня, на просторе,
Не скучай, не плачь, семья.
Потерпи еще немного,
И вернусь из плена я.
К лету солнце повернуло,
Скоро кончится война,
Жизнь по-старому начнется,
Позовет и нас страна
[НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 120.
Ед. хр. 67].

Я приеду на скорой машине
И зайду в Заонежье к родным,
Я приеду к тебе, дорогая,
И по-старому мы заживем.
И все горе, мамаша, забуду,
Чтоб с тобою приятно пожить,
Любоваться родными местами
и лагерную жизнь позабыть
[НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 120.
Ед. хр. 68]

(На мотив «Вспомни, товарищ, как вместе сражались...».)

Вспомни, подруга, как вместе пилили
И вместе корили дрова,
Куда нас загнала, несчастных два друга,
Проклятая эта война <...>
Мы дождемся хорошего времени,
Когда кончится эта война,
Все мы бросим тяжелое бремя,
И для нас ведь наступит весна
[НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 120.
Ед. хр. 80].

В анализируемой коллекции, кроме значительного количества лагерных песен и частушек, представлено множество романсов, песен из кинофильмов, любовных и тюремных песен, почти все популярные песни о Степане Разине, о стране, о Красной армии. В.Г.Базанов, рассматривая это собрание старинных и современных песен, указывал, что основным источником песнетворчества за колючей проволокой является переработка мотивов и образов, уже известных по песням поэтов. «В

рукописных тетрадах — те песни поэтов и их переделки, которые прочно вошли в песенный репертуар советского народа» [Базанов 1945, 68]. На обложке одной из тетрадей нам встретилась приписка: «Финская полиция преследовала за песни. Песни запрещались в правилах лагерников. За песни посылали на этап, в будку и т.д. Песни отбирались, устраивались обыски» [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 120. Тетр. № 5. Ед. хр. 85–274]. Но никакие гонения не могли отбить у людей любовь к песне, к творчеству. И пусть далеко не все тексты обладают высокими художественными достоинствами, но в них слышны голоса и чувства людей, которые сохраняют человеческие ценности в нечеловеческих условиях жизни. В этом разрезе к фольклору финских концлагерей применимо высказывание Б.Н.Путилова, относящееся к фольклору ГУЛАГа. Ученый подчеркивал, что лагерный фольклор выступает как культура, «...противостоявшая античеловеческой системе, служившая выживанию, сохранению человека. Это и обеспечивает лагерному фольклору место в истории культуры» [Путилов 1994, 12].

Литература

Артёмова 2004 — *Артёмова С. Ю.* Лирическое послание в литературе XX века: поэтика жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004.

Базанов 1945 — *Базанов В.* За колючей проволокой: из дневника собирателя народной словесности. Петрозаводск, 1945.

Базанов 1981 — *Базанов В. Г.* Поэзия Русского Севера: Карельские статьи и очерки. Петрозаводск, 1981.

Барышников 2007 — *Барышников Н. И.* Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб., 2007.

Веригин 2012 — *Веригин С. Г.* Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2012.

Голубев 2007 — *Голубев А. В.* Повседневная жизнь женщин в годы Великой Отечественной войны на оккупированных территориях Карелии: к постановке проблемы // Устная история в Карелии: сб. науч. статей и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944) / науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск, 2007. С. 7–16.

Карелия: энциклопедия 2007 — Карелия: энциклопедия: в 3 т. / гл. ред. А. Ф. Титов. Т. 1: А — Й. Петрозаводск, 2007.

Кихней 1985 — *Кихней Л. Г.* Стихотворное послание в русской поэзии начала XX века:

(Развитие жанра в символистской и пролетарской поэзии): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

Лурье — *Лурье В. Ф.* Девичий альбом XX в. URL: http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/I_AM/dev_albom.html (дата обращения: 26.03.2015).

Макуров 2005 — *Макуров В. Г.* Петрозаводск в годы суровых испытаний 1941–1945. Петрозаводск, 2005.

Макуров 2013 — *Макуров В. Г.* Население Карелии в условиях оккупационного режима. 1941–1944 гг. В концлагерях. Ч. I // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2013. № 3 (23). С. 60–80.

Макуров 2014 — *Макуров В. Г.* Население Карелии в условиях оккупационного режима. 1941–1944 гг. В концлагерях. Ч. II // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2014. № 1 (25). С. 49–86.

Осипов 2007 — *Осипов А. Ю.* Оккупационный режим Финляндии в Советской Карелии // Устная история в Карелии: сб. науч. статей и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944) / науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск, 2007. С. 23–27.

Плененное детство 2005 — Плененное детство: Сборник воспоминаний бывших малолетних узников. Петрозаводск, 2005.

Путилов 1994 — *Путилов Б. Н.* Лагерный фольклор как факт культуры // Фольклор и культурная среда ГУЛАГа / сост.

В. С. Бахтин и Б. Н. Путилов. СПб., 1994. С. 6–12.

Русская народно-бытовая лирика 1962 — Русская народно-бытовая лирика. Причинения севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой / вступ. ст. и коммент. В. Г. Базанова. М., 1962.

Laine 1982 — *Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Kakjalan siviiliväestön asema*

Suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Keuruu, 1982.

Сокращения

КНИИК — Карельский научно-исследовательский институт культуры (ныне ИЯЛИ КарНЦ РАН)

НА КарНЦ РАН — Научный архив Карельского научного центра РАН

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН: 185910, Российская Федерация, Республика Карелия, Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11; тел. +7 (8142) 78 18 86; e-mail: greek23@mail.ru

---

FOLKLORE OF THE PRISONERS OF CONCENTRATION CAMPS DURING THE FINNISH OCCUPATION OF KARELIA (1941–1944)

MARKOVSKAYA ELENA

(Institute of Language, Literature and History, Institute of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences: Pushkinskaya st. 11, 185910 Petrozavodsk, Russian Federation)

Summary. *The article analyzes the folklore materials performed during World War II, primarily the period from 1941 to 1944. A large part of the territory of the Karelian-Finnish Soviet Socialist Republic, including its capital Petrozavodsk, was occupied by Finnish troops thereat. There inside the occupied zone dwelled about 86 thousand people. For the whole territory of the republic militant authorities organized 10 concentration camps, most of which were located in Petrozavodsk. Only within the city of Petrozavodsk over 20 thousand people were contained at 6 concentration camps. Unendurable conditions, hunger, contagious disease and unsustainable labor, as well executions by shootings, caused fatalities with number of victims from 4000 up to 7000, according to different estimates.*

The author has studied thoroughly the archival collection of the war prisoners' folklore, rubricated as "The camp songs recorded from persons under occupation of the Finns and prisoners of concentration camps during the 1941–1944", dated 1944 and stored in the Scientific Archives of the Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences. It includes 442 storage items. A unique storage unit comprises any single oral recorded text, whether it were an amateur song in 15 quatrains or four lines long chastushka-ditty. These recordings reveal experience of the prisoners, their hopes and aspirations, as well as relationship between those who lived behind barbed wire and those who guarded them.

Besides a significant number of prisoners' songs and ditties, the analyzed collection includes a lot of songs of literature origin, songs from movies, songs about love, almost all the popular songs about Stepan Razin, about the Motherland, the Red Army. Persecution could not discourage aspiration to creativity. However not all the texts possess greater artistic value, they reflect the thoughts and feelings of people who retained human values despite unhuman living conditions.

Key words: *folklore, Finnish occupation, Russian Karelia, World War II.*

Literature

Artyomova S. Yu. Lyric Epistle in the Literature of the 20th Century: Genre Poetics. Abstract of the PhD. Thesis in Philological Studies. Tver, 2004. In Russian.

Baryshnikov N. I. Five Myths of the Military History of Finland 1940–1944. St. Petersburg, 2007. In Russian.

Bazanov V. G. Behind Barbed Wire: From the Diary of the Collector of Folk Oral Poetry. Petrozavodsk, 1945. In Russian.

Bazanov V. G. Poetry of the Russian North: Karelian Articles and Essays. Petrozavodsk, 1981. In Russian.

Golubev A. V. Everyday Life of Women during the Great Patriotic War at the Occupied Ter-

ritory of Karelia: Problem Statement. *Oral History in Karelia: Collection of Scholarly Papers and Sources. Issue 3. The Finnish Occupation of Karelia (1941–1944)*. Ed. by A. V. Golubev, A. Yu. Osipov. Petrozavodsk, 2007. Pp. 7–16. In Russian.

Imprisoned Childhood. Collection of Memoires of the Former Underage Prisoners. Petrozavodsk, 2005. In Russian.

Karelia: Encyclopaedia in 3 volumes. Editor-in-chief A. F. Titov. Vol. 1: A—J. Petrozavodsk, 2007. P. 142. In Russian.

Kikhney L. G. Lyric Epistle in the Russian Poetry of Beginning the 20th Century (Development of Genre in Symbolism and Proletarian Poetry). Abstract of the PhD. Thesis in Philological Studies. Moscow, 1985. In Russian.

Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema Suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Keuruu, 1982 (Two Faces of the Great Finland: the Position of Civil Population of the Eastern Karelia during Finnish Occupation 1941–1944). In Finnish.

Lurie V. F. The Maidens' Scrap-Book of the 20th Century. URL: http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/1_AM/dev_albom.html (referred 26.03.2015) In Russian.

Makurov V. G. Population of Karelia under Conditions of Militant Occupation. 1941–1944.

Concentration Camps. Part I. *Questions of History and Culture of Nordic Countries and Territories*. 2013. № 3 (23). Pp. 60–80. In Russian.

Makurov V. G. Population of Karelia under Conditions of Militant Occupation. 1941–1944. Concentration Camps. Part II. *Questions of History and Culture of Nordic Countries and Territories*. 2014. № 1 (25). Pp. 49–86. In Russian.

Makurov V. G. Petrozavodsk during Years of Severe Tortures 1941–1945. Petrozavodsk, 2005. In Russian.

Osipov A. Yu. Finland Militant Occupation of the Soviet Karelia. *Oral History in Karelia: Collection of Scholarly Papers and Sources. Issue 3. The Finnish Occupation of Karelia (1941–1944)*. Ed. by A. V. Golubev, A. Yu. Osipov. Petrozavodsk, 2007. Pp. 23–27. In Russian.

Putilov B. N. Prisoners' Foklore as a Culture Fact. *Foklore and Culture Milieu at GULAG*. Comp. by V. S. Bahtin and B. N. Putilov. St. Petersburg, 1994. Pp. 6–12. In Russian.

Russian Everyday Folk Lyrics. The Laments of the North recorded by V. G. Bazanov and A. P. Razumova. Moscow, 1962. In Russian.

Verigin S. G. Traitors or Victims of the War: Collaborationism in Karelia during the World War II 1939–1945. Petrozavodsk, 2012. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: greek23@mail.ru;

Tel.: +7 (8142) 78 18 86;

Pushkinskaya st. 11, 185910 Petrozavodsk, Russian Federation;

PhD (Philology), researcher, Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences

---